

Озвучив извинения за свою внезапную выходку, Гу Чанъянь (м) устремил взгляд на стоящее перед ним дерево гингко.

В прошлом он часто сопровождал здесь мать, когда они посещали храм Цыгуан. Мать рассказывала ему, что именно под этим деревом она когда-то обрела нефритовую подвеску. У-Юнь подарил нефрит Линь Юсу, а мать передала его сыну — в обоих случаях это был знак благословения. Именно благодаря этой подвеске судьба свела Гу Чанъяня с Вэнь Чаннином.

К тому времени, как троица вернулась в столицу, уже наступил полдень. Гу Чанъянь велел кучеру ехать к ресторану Фэнлэ. Это был тот самый ресторан, который Вэнь Чаннин заметил на улице в первый же день: самый большой и высокий во всей столице. Внутри имелось особое возвышение для высокопоставленных лиц, и в праздник Середины осени сюда порой заглядывал сам император, чтобы разделить веселье с народом. Даже улица, на которой стоял ресторан, получила свое название в его честь — Фэнлэ-цзе.

Теперь, когда Гу Чанъянь взял Вэнь Чаннина под свое крыло, самое время было как следует его угостить.

Когда карета остановилась, Чжао Лань первым выпрыгнул наружу и придержал полог. Следом вышел Вэнь Чаннин, а замыкал их неспешный Гу Чанъянь. Троица уже успела выработать некое подобие слаженности в движениях. Гу Чанъянь шел впереди, а Чжао Лань и Вэнь Чаннин — чуть позади, справа и слева от него, образуя устойчивый равнобедренный треугольник.

На первом этаже ресторана было немногочисленно, всего пара занятых столиков. Вэнь Чаннин с любопытством осматривал убранство — всё здесь казалось куда изысканнее и грандиознее, чем в телепередачах. Пространство внутри было огромным и визуально открытым. Прямо в центре главного зала была сооружена сцена, на которой несколько девушек в вуалях пели и играли на музыкальных инструментах, наполняя зал атмосферой той эпохи.

Официант проводил их в отдельный кабинет на втором этаже. Как только они сделали заказ, он удалился.

— Я еще не знаю, что ты предпочитаешь, нужно ли заказать что-то еще? — спросил Гу Чанъянь, когда они остались втроем.

— Спасибо, не нужно, этого вполне достаточно, — ответил Вэнь Чаннин.

Это была правда. Гу Чанъянь умел заботиться о людях: пока при них был посторонний, он не стал расспрашивать о вкусах, а просто заказал всего понемногу — и сладкого, и соленого, и острого, и пресного.

Кабинет оказался просторным и хорошо обставленным. У окна стоял чайный столик с мягкими подушками, где можно было наслаждаться чаем и видами, но из-за прохладной погоды окно

было закрыто. В ожидании блюд они подошли к окну. Вэнь Чаннин слегка приоткрыл створку и выглянул наружу — на оживленную столичную улицу.

Воцарилось молчание, атмосфера была гармоничной.

— Тот... тот самый, брат Чаннин, а где ты жил раньше? Сколько тебе лет? — Чжао Лань всё-таки не выдержал. Кто угодно на его месте, столкнувшись с таким чудом, не смог бы притворяться, что ничего не произошло. С самого утра у него не было возможности задать вопросы, поэтому сейчас он запинаясь и говорил довольно сбивчиво. Сказав это, Чжао Лань устался на пустую подушку справа.

Гу Чанъянь промолчал, но ему тоже было любопытно. Хотя Чжао Лань выразился нескладно, суть его вопроса была ясна. Он хотел знать, как выглядело место, где жил Вэнь Чаннин, чем оно отличалось от их мира, да и вообще узнать о нем побольше.

Вэнь Чаннин опустил взгляд на свою чашку, помолчал несколько секунд, затем поднял голову и серьезно ответил:

— Моя фамилия Вэнь, имя Чаннин — от слов «долгое спокойствие». Мне двадцать один год. До того как попасть сюда, я был студентом-медиком. Место, где я жил, называется Хуася, оно очень процветающее и могущественное.

Чжао Лань подумал, что родина Вэнь Чаннина, должно быть, похожа на их страну, просто правитель другой.

— А как звучит твое второе имя? — спросил Гу Чанъянь.

Вэнь Чаннин впервые услышал термин второе имя (цзы), поэтому не сразу понял вопрос. Поразмыслив, он вспомнил, что в древности мужчинам при достижении совершеннолетия давали второе имя, которое обычно носили ученые и люди из высших слоев общества. Неужели Гу Чанъянь думает, что у него оно есть?

Спустя мгновение Вэнь Чаннин объяснил:

— У меня нет второго имени, у нас их больше не дают.

— Вот как? — тихо промолвил Гу Чанъянь.

— А почему их больше не дают? — спросил Чжао Лань.

Вэнь Чаннин посмотрел на лицо Гу Чанъяня и подумал, что Чжао Лань в каком-то смысле выступает «рупором» своего господина. Оба любопытствуют, просто Гу Чанъянь делает это

деликатно, а Чжао Лань — прямо.

— Люди решили, что давать вторые имена слишком хлопотно, вот эта традиция и сошла на нет,
— ответил Вэнь Чаннин.

Чжао Лань почесал затылок, решив, что в этом есть смысл: действительно, это ведь неудобно
— нужно помнить и основное имя человека, и его второе имя.

— А под словом «люди» ты подразумеваешь... — проницательно уточнил Гу Чанъянь.

Вэнь Чаннин был немного ошеломлен. Гу Чанъянь оказался весьма догадлив. Разумеется, это «все» относилось не к сословию ученых, а к каждому человеку в целом. Вэнь Чаннин намеренно выражался туманно, не желая, чтобы они осознали, насколько сильно устройство общества в Хуася отличается от нынешнего. Он опасался, что люди древности не смогут этого принять. Но раз уж Гу Чанъянь спросил, он решил ответить подробнее.

— Я имею в виду каждого жителя нашей Хуася, — Вэнь Чаннин не стал пускаться в длинные исторические экскурсы, чтобы не выдать лишнего. — У нас действует девятилетнее обязательное образование. Государственный закон требует, чтобы каждый ребенок соответствующего возраста посещал школу. Это обучение является бесплатным и обязательным.

Вэнь Чаннин произнес это легко, совершенно не задумываясь о том, какое впечатление это произведет на слушателей.

Чжао Лань лишь ахнул:

— Это... это же просто...

Дальше он не смог подобрать слов. Ему хотелось сказать, что это неправдоподобно и просто непостижимо. Гу Чанъянь замер, пораженный услышанным. Он смутно чувствовал, что что-то здесь не так, но мысль ускользала, оставляя лишь глубокое потрясение. Если слова Вэнь Чаннина — правда, то место, откуда он пришел, должно быть эпохой величайшего процветания. Нет, даже выше этого, ведь, насколько ему было известно, ни в одной династии, даже в самые мирные времена, не было ничего подобного.

Гу Чанъянь улыбнулся:

— Мне бы очень хотелось увидеть твою родину.

— Кстати, ты сказал, что ты врач? — снова спросил Чжао Лань.

— А, да, можно и так сказать.

Вэнь Чаннин пояснил:

— Медицина, которую я изучал, отличается от вашей, так что, можно сказать, я учился впустую.

Если подумать, Вэнь Чаннин в свое время перепрыгнул через классы, в пятнадцать лет закончил школу, поступил в столичный университет на лечебное дело, а в двадцать один уже учился в магистратуре. Но это была западная медицина. Оказаться в древности, где признают только традиционную китайскую медицину, — это все равно что вернуться в каменный век. То, что он не сошел с ума, уже было невероятным достижением. У него был наставник, большой мастер традиционной медицины, который очень хорошо к нему относился. Вэнь Чаннин подумал, что, окажись этот старик здесь, он бы точно продолжил блистать и добился бы еще больших высот. Но, увы, он сам изучал клиническую медицину и даже не успел закончить магистратуру. Досадно!

— Как можно сказать, что учиться на врача — это впустую? — Чжао Лань окончательно запутался. Ему казалось, что каждое слово Вэнь Чаннина звучит странно.

Вэнь Чаннин привел пример:

— Это как говорят: даже искусная хозяйка не сможет приготовить обед, если в доме нет риса.

Если нет риса, как он может проявить свое мастерство? Это не он, Вэнь Чаннин, не хочет — он просто не может.

К счастью, в этот момент принесли еду, и Вэнь Чаннин вздохнул с облегчением: каждый вопрос Чжао Ланя давался ему всё труднее.

<http://bllate.org/book/18800/1827386>